

ского митрополита Кирилла) соответствует не 1262, а 1261 г. Следовательно, и определение Шаповым дня недели, приходящегося на 10 ноября (якобы четверг), и последующие на этом основании рассуждения становятся беспредметными (с. 149; ср. с. 183—184, где подобные хронологические выкладки сделаны безупречно).

Определение при латинском *jus* на с. 250 приведено почему-то не в среднем, а в мужском роде. Греческие тексты и термины воспроизведены сплошь и рядом с погрешностями разного рода (см. с. 51, 53, 55, 56, 58, 61, 75, 79 и т. д.).

В. Д. Лихачев. Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры IX—XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977. 22 с. + 62 табл.

Альбом воспроизведений памятников книжного искусства Византии из собраний советских библиотек и Гос. Исторического музея в нашей стране издан впервые. Великолепные образцы художественного оформления рукописей, в оригинале доступные лишь узкому кругу специалистов, стали достоянием всех, кто интересуется вопросами истории искусства средневековой книги.

Издание византийских миниатюр имеет весьма существенное значение не только в плане расширения их известности, но и для определения и систематизации памятников, которые на сегодняшний день в лучшем случае известны лишь по упоминаниям в литературе, с указанием названия, места хранения и даты, которая, к сожалению, не всегда находит подтверждение при монографическом изучении рукописи. Именно поэтому издание альбома, подготовленного к печати В. Д. Лихачевой, заслуживает самого горячего одобрения. Ограниченная рамками альбомного жанра, составительница предпочла включить в состав публикуемых памятников наиболее известные и значительные. Часть из них, необходимо отметить, монографически исследована автором альбома.

Очерк В. Д. Лихачевой прежде всего знакомит читателя с византийским книжным искусством как замечательным проявлением достижений средневековой культуры, обусловленным исторически сложившимися причинами и связанным в своих истоках с античной традицией. Автор очерка говорит о превратностях судьбы в истории византийских кодексов, об особенностях письма и его эволюции, о функциональной роли и эстетическом значении элементов художественного декора рукописи — одним словом, обо всем том, что делает книгу живым организмом и памятником культуры своей эпохи. Кратко освещены и пути, которыми пришли издаваемые памятники в наши книгохранилища, среди которых особенно выделяются своими богатствами Гос. Исторический музей в Москве и Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Но и другие хранилища, располагающие сравнительно небольшими коллекциями греческих средневековых рукописей, такие, как Научная

Отдельные географические наименования в указатели даны в косвенных падежах (Ахелое, Иловице).

В целом, однако, монография отличается продуманностью ее структуры и тщательностью подготовки к печати. Вряд ли можно ошибиться, предвещая труду Я. Н. Шапова длительное сохранение его научной ценности: он, несомненно, привлечет пристальное и благодарное внимание широкого круга специалистов по истории и истории права Древней Руси, Византии и южнославянских стран.

Г. Г. Литаврин

библиотека Московского университета, Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Центральная научная библиотека АН УССР, могут по праву гордиться входящими в их состав памятниками, без привлечения которых сейчас невозможно сколько-нибудь обстоятельно осветить книжное искусство Византии в его историческом развитии.

Один из разделов очерка В. Д. Лихачевой отведен таким сравнительно ранним памятникам, как Хлудовская Псалтирь (ГИМ, греч. 129), так называемое Пурпурное Евангелие (ГПБ, греч. 53), Трапезундское Евангелие (ГПБ, греч. 21), каждый из которых давно нуждается в монографическом исследовании на современном научном уровне; здесь же освещены классические памятники книжного искусства XI—XII вв., а также эпохи Палеологов — последнего периода в истории Византийской империи, уже стоявшей на пороге своей политической гибели. Поразительно, что и тогда византийцы создавали высокие образцы книжного искусства, такие, как Акафист Богородицы (ГИМ, греч. 429) и Четвероевангелие (ГПБ, греч. 118), послужившие предметом специальных разысканий В. Д. Лихачевой¹.

На наш взгляд, в тексте дано максимум из того, что можно было сказать в альбомной статье. Достаточно четко очерчены этапы в истории византийской миниатюры, верно охарактеризованы сами памятники. Важно и то, что листы рукописей с миниатюрами воспроизведены в цвете, целиком и в размер оригинала. Это в значительной степени облегчает пользование альбомом для тех исследователей, которые не имеют возможности часто обращаться к оригиналам. Воспроизведение листов иллюминированных рукописей дано по одной схеме: сначала помещено воспроизведение книжного разворота, затем следуют репродукции от-

¹ *Lixacheva V. D. The illumination of the Greek Manuscript of the «Akathistos» Hymn (Moscow, State Historical Museum, Synodal gr. 429). — DOP, 1972, 26, p. 253—262; Лихачева В. Д. Судьба одной средневековой книги. — Книга, 1969, т. XVIII, с. 201—209.*

дельных листов, сдвинутых обычно к краю таблицы (с целью более рельефного выявления их места в кодексе)². Автор альбома не ограничился приведением инвентарных данных и относящейся к каждому памятнику библиографии: В. Д. Лихачева аннотировала каждую из упомянутых работ, и таким образом читатель наглядно может видеть, как именно проходило изучение памятника и как эволюционировали взгляды ученых. В этом есть немало поучительного. Все, о чем было сказано, составляет бесспорные достоинства альбома.

Помещенные в книге очерк и особенно комментарии к таблицам преследуют прежде всего не исследовательские, а популяризаторские цели. Но вместе с тем они прекрасно выявляют и состояние изученности каждой рукописи в отдельности, что отражает и приводимая библиография, охватывающая литературу, можно сказать, исчерпывающе.

Безусловно, к некоторым публикуемым иллюстрационным циклам могут быть присоединены дополнительные наблюдения, особенно к тем из них, которые не являлись объектом специального изучения. Система иллюстрирования рукописей Минология была выработана в Византии, как следует из книги П. Мийовича, не в IX—X вв., а лишь к XI в.³ В. Д. Лихачева осторожно характеризует Минологий XI в. ГИМ, греч. 175 как произведение «так называемой провинциальной школы», и, надо заметить, вполне резонно, поскольку деление иллюстрационных циклов на столичные и провинциальные в зависимости от качественного уровня их выполнения не всегда вносит ясность в положение вещей. И в столице обычно создавалось немало довольно посредственных рукописей. Ошибочное определение фигуры в императорской одежде на первом листе Апостола 1072 г. как императора Михаила VII Дуки недавно опровергла сама же В. Д. Лихачева⁴. Можно согласиться с автором в том, что нет оснований приписывать Четвероевангелие ГПБ, греч. 67 мастерам из императорского скриптория, но, можем добавить, нет веских причин и для того, чтобы это утверждение оспаривать. На сегодняшний день мы можем выделить с бесспорностью такие блестящие образцы работы императорского скриптория, как уже упомянутый Апостол 1072 г. в Москве, Псалтирь в Ленинграде (ГРБ, греч. 214), Четвероевангелия в Афинах

(Национальная библиотека, № 57)⁵, Палатинской библиотеке в Парме (№ 5)⁶, Евангелие в Дионисиате на Афоне (№ 587), датируемое 1059 г.⁷. Четвероевангелие ГПБ, греч. 67 относится к более раннему времени, когда еще не был выработан тот рафинированный линейный стиль, который отличает рукописи указанной группы. В большей степени названный кодекс может быть сближен с Четвероевангелием № 2364 в Национальной библиотеке в Афинах, датируемым первой половиной XI в.⁸

Мы вышли бы слишком далеко за пределы рецензии, если бы стали здесь детально обсуждать вопросы определения других, более поздних рукописей, миниатюры которых опубликованы в альбоме. Заметим лишь, что на сегодняшний день решены далеко не все проблемы, связанные с изучением даже таких широко известных памятников, как Карахиссарское Евангелие (ГПБ, греч. 105) и Новый завет (ГПБ, греч. 101). В. Д. Лихачева осветила развитие книжной иллюстрации в этот период византийской истории хотя и обобщенно, как этого требовал жанр альбомной статьи, но при этом правильно акцентировала внимание на тех особенностях, которые определяют искусство палеологовского времени.

К альбому приложены резюме и список иллюстраций на английском языке. В цветовом отношении таблицы, за некоторыми исключениями, довольно близко передают колорит оригиналов.

Высказанные нами некоторые дополнительные суждения скорее относятся к состоянию изученности материала и не могут рассматриваться как упрек в адрес автора альбома, вложившей много труда в это хорошее издание прекрасных образцов книжного искусства Византии. По мере их публикации становится все более очевидным, что лишь на базе введения в научный обиход самого широкого материала возможны объективные выводы общего характера. При этом не должны быть забыты и кодексы, не имеющие в своем составе миниатюр, но художественными качествами оформления вполне заслуживающие быть определенными как высокие образцы продукции византийских скрипториев.

В. Г. Пуцко

² Есть здесь и не совсем удачные эксперименты, например, при воспроизведении Апостола с Апокалипсисом (МГУ, № 2280), листы которого буквально «плавают» в бескрайнем море мутно-зеленого фона.

³ Мийовић П. Менолог. Историјско-уметничка истраживања. Београд, 1973, с. 189—202.

⁴ Лихачева В. Д. Был ли портрет в византийском искусстве? — ВВ, 1979, 40, с. 223.

⁵ Marava-Chatzicolaou A., Toufexi-Paschou Chr. Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. Athens, 1978, vol. I, p. 108—117, fig. 216—231 (N 26).

⁶ Lazarev V. Storia della pittura bizantina. Torino, 1967, p. 191, tav. 240—244.

⁷ Pelekanidis S. M., Christou P. C. Tsiumis Ch., Kadas S. N. The Treasures of Mount Athos. Illuminated Manuscripts. Athens, 1973, vol. I, p. 434—446, fig. 189—277.

⁸ Marava-Chatzicolaou A., Toufexi-Paschou Chr. Op. cit., p. 75—79, fig. 121—130 (N 16).